

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Л. Л. КАСАТКИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том II

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2018

ББК 81.2Рус-1
УДК 811.161.1
К 28

Касаткин Л. Л.

К 28 Избранные труды. Т. II. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 752 с., ил. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-328-5 (т. II)

ISBN 978-5-6040195-5-9

Эти Труды, т. II, написаны Л. Л. Касаткиным в XX веке (кроме четырёх статей из раздела «Описания русских диалектов по деревенским рассказам» и трёх статей из раздела «История русского языка», написанных им в XXI веке) и являются продолжением книги Л. Л. Касаткина «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» (М.: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999).

Книга содержит новый диалектный материал, собранный автором во время его многолетних диалектологических экспедиций. В ней описаны многие ранее неизвестные явления, в том числе и такие, которые позволяют по-новому охарактеризовать важные звенья систем современных русских говоров, установить их историю.

Для специалистов в области современного русского литературного языка, русской диалектологии и истории русского языка, преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических факультетов.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-1

ISBN 978-5-94457-328-5

9 785944 573285 >

© Л. Л. Касаткин, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общие проблемы диалектологии	7
Что такое диалектный язык	9
Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова.....	21
Новые достижения и задачи русской диалектологии	34
II. Описания диалектов и отдельных диалектных черт	49
Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН	51
Фонетика литургической и бытовой речи в двух старообрядческих говорах....	78
Русский язык оregonских старообрядцев: языковые портреты	83
Прародина оregonских старообрядцев-турчан по данным их говоров	100
Донские казачьи говоры	111
Диалект липован — русских старообрядцев Нижнего Подунавья	123
Русский говор села Татарница в Болгарии	134
Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии.....	153
Русский говор села Покровки Дондюшанского района Молдавии	188
К истории изучения слободских говоров.....	204
Консонантизм слободских говоров	205
Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах	240
Некоторые фонетические особенности вятских говоров	253
Из истории аканья — яканья в русском и белорусском языках	260
Аканье и яканье в одном старообрядческом говоре и вопросы истории этих систем вокализма.....	284
Особый тип яканья С'аСГ С'еС'Г' в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья.....	296
Динамика изменения яканья в одном южнорусском говоре	303
Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы Южного наречия....	321
Некоторые фонетические особенности говоров семейских — старообрядцев Забайкалья.....	344
Фонема /v/ в русских говорах.....	353
Значение биологического вида у членов парных по роду названий некоторых домашних животных в русских диалектах и литературном языке	357
Неопределённые местоимения и наречия с постфиксом /суффиксом -ся/-сь в говорах русских старообрядцев	382

Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (<i>a, no, nu</i>).....	389
Некоторые диалектные архаизмы в говоре орегонских «турчан».....	399
Сохранение в говорах старообрядцев диалектных черт прошлых эпох.....	405
Язык — свидетель беспристрастный: А. С. Пушкин — автор сказки «Конёк-горбунок»	418
III. Описания русских диалектов по деревенским рассказам	465
Идиолект донской казачки.....	467
Говор села Бояновичи Хвастовичского района Калужской области	509
Говор деревни Анненково Фатежского района Курской области	524
Говор села Новосёлки Рыбновского района Рязанской области.....	540
Говор старообрядцев-некрасовцев из посёлка Левокумский Левокумского района Ставропольского края.....	549
Говор старообрядцев-«турчан» из штата Орегон США	558
Русский говор села Приморское Одесской области Украины и история села, рассказанная его жительницей	565
IV. Рассказы деревенских жителей	587
Китай — Бразилия — США — рассказы жительницы г. Вудбурн штата Орегон США А. Н. Лысовой.....	589
На торфе в военные годы — рассказ жительницы д. Лека Шатурского р-на Московской обл. А. А. Гуськовой	599
«Зачем маменька родила на такое горюшко?» — рассказ жительницы с. Мишутиха Харовского р-на Вологодской обл. Н. Л. Лопатиной.....	604
Время войны — рассказ жительницы ст. Голубинской Калачёвского р-на Волгоградской обл. П. П. Романенко.....	616
Рассказы пилиповки — рассказы жительницы с. Пилипы-Хребтиевские Ново-Ущицкого р-на Хмельницкой обл. Украины М. А. Ягодиной	626
V. История русского языка	651
Основной закон развития фонетики русского языка	653
Русская диалектная и историческая фонетика в работах Р. О. Якобсона	660
К истории фонем /o/ — /ω/.....	673
Чтение слов с буквой <i>щ</i>	675
Некоторые закономерности процесса смены места ударения в словах русского языка.....	677
VI. Диалектологи	695
Лидия Николаевна Булатова	697
Оксана Герасимовна Гецова	708
Варвара Георгиевна Орлова	717
Литература	721

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ЧТО ТАКОЕ ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК*

1. В 1947 г. Р. И. Аванесов выдвинул следующее положение: «При всём различии фонетических систем отдельных русских говоров в них имеются, наряду с чертами различия, черты общие, тождественные. Поэтому можно говорить не только о частных фонетических системах отдельных русских говоров, но также и — в несколько, правда, ином смысле — об общей фонетической системе русского языка в целом. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные и, с другой стороны, черты в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, мобильные, в которых и проявляются диалектные различия. Поэтому наряду с частными фонетическими системами отдельных говоров возможно построение фонетической системы “высшего ранга”, можно сказать “системы фонетических систем” русского языка в целом, включая все его диалектные разновидности и литературный язык» [Аванесов 1947/1970: 301].

Позднее Р. И. Аванесов распространил эту формулировку, выдвинутую им в отношении фонетической системы, на весь язык: «При всём различии систем отдельных русских говоров в них имеются наряду с чертами различия черты общие, тождественные. Поэтому можно говорить не только о частных системах отдельных русских говоров, но также и об общей системе русского языка в целом со всеми его говорами. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные и, с другой стороны, черты, в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия» [Аванесов 1949: 10]. «Структура языка, рассматриваемого во всём многообразии его местных разновидностей и нормализованного типа национального языка, включает в себя, с одной стороны, элементы общие, т. е. свойственные всем разновидностям данного языка, с другой — элементы частные, различительные, т. е. такие, в которых проявляются диалектные различия» [Аванесов 1957: 9]. «Система языка в разных пунктах картографируемой территории обычно оказывается тождественной в одних своих звеньях (элементах) и различающейся в других. Это даёт право говорить о языке народа в аспекте территориальном как о сложной системе или системе частных систем, включающей в свой состав черты общие, тождественные в любой частной системе, и черты различительные, специфические для разных частных систем» [Аванесов, Бернштейн 1958: 7].

Общими для всего русского языка элементами Р. И. Аванесов считал следующие: «Единство русского языка сказывается в общности решающих элементов

* Первая публикация: *Касаткин Л. Л.* Что такое диалектный язык // *Русский язык в научном освещении.* 2007. № 2 (14). С. 253–267.

грамматического строя, ряда принципиальных элементов фонематической системы (например, широко представленные коррелятивные пары твёрдых и мягких согласных фонем, различие этих пар перед [о]; неразличие гласных [и] и [ы] как особых фонем), так называемого основного словарного фонда» [Вопросы теории 1962: 7].

Дальнейшее изучение русских говоров показало, что таких черт, общих для всего русского языка, включая все его диалекты и литературный язык, гораздо меньше, чем думал Р. И. Аванесов. Так, были обнаружены русские говоры, где нет противопоставления согласных по твёрдости / мягкости, а звуки [и] и [ы] являются представителями разных фонем (см. [Касаткин 1973; 1999: 143–170]). Теперь можно с уверенностью говорить, что таких фонетических черт, которые были бы свойственны всем русским говорам и литературному языку, в действительности нет. Доминанты, основные представители всех фонем неодинаковы в русских говорах и образуют диалектные различия¹. То же надо сказать и о фонологических системах, о составе фонем, их соотношении, реализациях в разных позициях, о суперсегментных единицах и средствах их выделения.

Интенсивное собирание и изучение диалектной лексики во второй половине XX в. привело к пониманию того, что в так называемой общенародной лексике по говорам существуют различия. Все или почти все слова говора не совпадают полностью с соответствующими словами литературного языка: у них могут отсутствовать некоторые значения, свойственные этим словам в литературном языке, либо эти слова могут обладать такими значениями, которых нет в литературном языке, а также может быть иная сочетаемость с другими словами или иная стилистическая характеристика (см. [Оссовецкий 1964: 185–188; Словарь д. Деулино 1969: 8–9; Гецова, Ильинская 2002: 207]).

2. Р. И. Аванесов предложил термин «диалектный язык», который широко использовался в работах и самого Р. И. Аванесова, и некоторых его учеников. Содержание этого термина определялось следующим образом.

Один говор, по определению Р. И. Аванесова, представляет собой микросистему, «не имеющую измерений», «одну территориальную точку», «взятую в одном хронологическом срезе», или «частную диалектную систему». «Совокупность микросистем образует макросистему, или систему систем, которая характеризуется чертами, общими для макросистемы как целого, и чертами, отличающими в пределах данной макросистемы одни микросистемы (или группы их) от других. <...> Макросистемы с менее глубокими различиями входящих в её состав микросистем и охватывающие относительно ограниченные территории (макросистемы 1-й степени) могут входить в макросистему с более глубокими различиями <...> охватывающими более обширную территорию (иначе — в макросистему 2-й степени) и т. д. <...> Диалектный

¹ Возможно, звук [м], доминанта фонемы /м/, одинаков во всех говорах, однако изучение этого звука в русских говорах, в том числе инструментальные исследования, не проводилось. В соответствии с разными артикуляционными базами русских говоров можно предполагать в них и отличия в тембре этого звука.

язык представляет собой сложную систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней». Термину «макросистема 1-й степени» соответствует термин «группа говоров», термину «макросистема 2-й степени» — «наречие» [Аванесов 1963: 296–299; 1964: 10–11; 1965: 35].

Близость систем (макросистем), образующих макросистему следующего уровня, может быть различной: макросистемы 1-й степени «отличаются ярко выраженным единством своей структуры», у макросистем 2-й степени «такое единство может отсутствовать: отдельные более частные системы, входящие в состав макросистемы 2-й степени, обладая общностью по определённом кругу черт, в то же время могут существенно отличаться друг от друга по своей структуре» [Аванесов 1964: 10–11].

Если следовать логике Р. И. Аванесова, то можно считать, что родственные языки тоже образуют макросистемы 3-й, 4-й и т. д. степеней в зависимости от степени родства; например, восточнославянские — славянские — индоевропейские языки, а если продолжить и далее, то и ностратические языки. У этих языков тоже наряду с различительными чертами есть и черты общие, объединяющие эти разные языки в группы или семьи.

И действительно, Р. И. Аванесов допускал, что «...возможны разные языки, которым свойственна одна сложная система, имеющая различительные элементы. Точно так же есть языки, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы². <...> Впрочем, это разграничение практически не так уж существенно: важно определить удельный вес общих и различительных элементов системы языка на разных территориях» [Аванесов 1962: 25–26]. «Моделируя диалектный язык, исследователь имеет дело с системой языка в его территориальном варьировании. К какому диалекту (а в иных случаях даже — к какому языку, если речь идет о близкородственных языках) (выделено мною. — Л. К.) относится та или другая микросистема, для него не имеет особого значения: существенно лишь выделение элементов системы языка, одни из которых объединяют диалектный язык как единое структурное целое, а другие противопоставляют и разграничивают разные его части как разные структурные единства “низшего” ранга (входящие в состав структурного единства “высшего” ранга)» [Аванесов 1963: 305].

² Р. И. Аванесов также писал: «Указанное разграничение (одна система, имеющая различительные элементы, и разные системы, имеющие общие элементы) не совпадает с разграничением конкретного языка, с одной стороны, и группы родственных языков — с другой. Возможны разные языки, которым свойственна одна система, имеющая различительные элементы, точно так же имеется немало отдельных конкретных языков, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы (многие языки Северного Кавказа, армянский язык)» [Аванесов, Бернштейн 1958: 9]. Однако о славянских языках Р. И. Аванесов писал: «Если на отдельной национальной территории язык чаще образует одну сложную систему или — что то же — систему частных систем, различающихся в отдельных своих звеньях (элементах), то на территории группы родственных языков наличествуют разные системы, имеющие общие элементы» [Аванесов 1962: 502].

Но как определять этот «удельный вес общих и различительных элементов» и где та граница между их «удельными весами», которая позволяет считать, что два языка обладают одной языковой системой или разными, что диалекты одного языка входят в одну или разные системы и, следовательно, образуют один диалектный язык или более, Р. И. Аванесов не уточнил.

В неоднократно повторяемом в разных работах Р. И. Аванесова положении, что язык, в том числе и диалектный язык, представляет собой систему, проявлялась приверженность автора к идеям структурной лингвистики, представителем которой Р. И. Аванесов был как один из основателей Московской фонологической школы. Эти идеи Р. И. Аванесов, глава Московской диалектологической школы, в том числе и Московской школы лингвистической географии, старался реализовать и в диалектологии.

При этом Р. И. Аванесов понимал, что та идеальная система языка, которую выстраивают лингвисты, может не вполне соответствовать реальной, более сложной системе самого существующего языка: «Идея о том, что язык образует систему, есть, вне сомнения, величайшее завоевание современного языкознания, идущее ещё от И. А. Бодуэна де Куртенэ и укрепившееся в учении Ф. де Соссюра. Больше того, даже самоё представление о системе языка как о величине, не имеющей измерений, несмотря на то, что оно не соответствует непосредственной реальной языковой действительности, чрезвычайно важно, так как без него рушилась бы самая идея системы языка. Не соответствуя непосредственно и в полной мере реально существующей языковой системе, такое представление о системе языка ценно потому, что оно представляет собой как бы её идеальную модель и отражает её существенный признак — наличие закономерных связей между отдельными её элементами. Без такого представления о системе языка мы бы не имели, так сказать, точки опоры, отправляясь от которой можно было бы понять систему языка как целого в качестве явления более сложного, каким оно является в действительности» [Вопросы теории 1962: 8].

Р. И. Аванесов своими трудами и своей организаторской деятельностью, в том числе и созданием самого крупного в мире национального диалектологического атласа, сыграл выдающуюся роль в истории нашей и мировой науки. Важно и то, что в своих трудах Р. И. Аванесов опирался на передовые для его времени и не утраченные своего значения и в современную эпоху идеи и методы структурной лингвистики. Однако, выстраивая свою систему диалектного языка, Р. И. Аванесов употреблял термин «система» не в том значении, которое он сам при этом декларировал.

В одной из своих главных работ, посвящённых обоснованию понятия «диалектный язык», Р. И. Аванесов писал: «Современной лингвистике свойственно стремление изучать язык как систему, отдельные элементы которой взаимно обусловлены и как таковые не существуют изолированно, сами по себе, вне системы» [Аванесов 1963: 308; выделено мною. — Л. К.]. Именно в этом ключе рассматривал Р. И. Аванесов фонетическую систему русского литературного языка, из этого понимания системы и её элементов он исходил и в конкретных своих описаниях фонем и их истории [Аванесов 1974].

У слова «система» в современном русском литературном языке есть несколько значений. В применении к человеческому языку установилось то понимание, которое формулирует Р. И. Аванесов; см. также: [ЛЭС 1990: 452].

Так, если в фонетической системе говора есть фонема /ц/, представленная в абсолютно сильной позиции (т. е. в сигнификативно и перцептивно сильной) звуком [ц], то её содержание (состав её дифференциальных признаков) обусловлено наличием и содержанием других фонем этой системы.

В говорах с твёрдым цоканьем /ц/ — единственная аффриката, этим признаком она отличается от всех остальных фонем, поэтому её содержание характеризуется одним дифференциальным признаком — аффрикатностью. В говорах, где наряду с /ц/, представленной звуком [ц], есть фонема /ч/, представленная твёрдым [ч], в состав дифференциальных признаков фонемы /ц/ входят аффрикатность и второй — зубность, отличающий /ц/ от /ч/.

В говорах, где наряду с /ц/ есть фонема, представленная звуком [ч'], содержание фонемы /ц/ составляют тоже два дифференциальных признака, один из которых аффрикатность, а другой тот, по которому противопоставлены эти две аффрикаты. Звуки [ц] и [ч'] отличаются двумя признаками: [ц] зубной твёрдый, [ч'] передненёбный мягкий. Какой из них — место образования или твёрдость / мягкость — дифференциальный, а какой интегральный, зависит от веса этих признаков в системе, что, в свою очередь, зависит от наличия или отсутствия в говоре корреляции согласных по твёрдости / мягкости и от степени её развитости. В говорах с развитой этой корреляцией (как в литературном языке) она включает значительно большее число фонем, чем корреляция по зубности / передненёбности. Поэтому твёрдость / мягкость — дифференциальный признак фонем /ц/, /ч'/, а зубность [ц] и передненёбность [ч'] — интегральный. В говорах с неразвитой корреляцией согласных по твёрдости / мягкости фонемы /ц/-/ч'/ противопоставлены как зубная передненёбной, эти признаки дифференциальные, а твёрдость [ц] и мягкость [ч'] — интегральные.

Значение глагольной формы с суффиксом -л- зависит от наличия в глагольной системе других форм. В системе, аналогичной литературной, *Он уехал* обозначает действие, совершённое в прошлом. В говорах, где наряду с этой формой есть форма давнопрошедшего времени, *Он уехал* обозначает действие, совершённое в недавнем прошлом, тогда как о давно прошедшем действии надо сказать: *Он был уехал*. В говорах, где есть форма перфекта, *Он уехал* обозначает действие, совершённое в прошлом без соотнесения с настоящим, тогда как *Он уехавши* обозначает действие, совершённое в прошлом, результат которого есть и в настоящем: 'он уехал и его здесь нет'.

В говорах, где система терминов родства аналогична литературной, в значение слова *брат* не входит дифференциальный признак 'прямое родство'. Поэтому для обозначения прямого или непрямого родства необходимо дополнительное указание: *родной брат*, *двоюродный брат*, *троюродный брат*. В некоторых говорах 'прямое родство' — дифференциальный признак, входящий в состав значения слова *брат*, так как ему противопоставлено слово *братán* со значением 'двоюродный брат'.

Системы разных языковых ярусов взаимосвязаны и образуют сложную систему, или систему систем, говора. Например, от наличия в фонетической системе говора

двух фонем /e/ и /ѣ/ или в соответствии с ними одной /e/ может зависеть система склонения имен. Так, в некоторых говорах с /e/ и /ѣ/ у личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного формы род.-вин. п. ед. ч. противопоставлены формам дат.-предл. п.: род.-вин. *менé, тебé, себé* — дат.-предл. *менѣ, тебѣ, себѣ*. В говоре, где на месте /e/ и /ѣ/ выступает одна фонема /e/, формы всех четырёх падежей у этих местоимений не различаются, нейтрализованы: род.-дат.-вин.-предл. *менé, тебé, себé*.

Существует определённая связь конкретных слов с лексической системой и грамматической. Например, слова *зверь, мышь, путь* входят в разные тематические группы (семантические поля). От того, какого рода эти слова в говоре — мужского или женского, зависит их тип склонения и функциональная нагрузка разных типов склонения.

Можно говорить о системе одного говора, но разные говоры одного и того же языка не составляют, вопреки тому, что писал Р. И. Аванесов, одной макросистемы: их нельзя считать элементами этой «системы», так как между ними нет взаимной связи и взаимообусловленности. Всякая классификация или группировка говоров рассматривает их как независимые объекты.

Между соседними говорами можно видеть некоторую связь. Она вызвана контактами между жителями этих населённых пунктов. Такое же влияние друг на друга могут оказывать и контактирующие языки. Но степень влияния и его направление от одного говора (языка) к другому обусловлены, главным образом, внелингвистическими факторами — политическими, экономическими, природными (географическими). Но это не та «взаимосвязь», которая существует между элементами одной системы.

Диалектный язык, по Р. И. Аванесову, представляют варианты не только территориальные, но и временные. Термином «макросистема» Р. И. Аванесов определял не только современный диалектный язык «с включённым пространством и выключенным временем», т. е. «территориальную макросистему», или «топо-макросистему», но и «макросистему с выключенным пространством (т. е. однотерриториальную) и включённым временем», т. е. «хроно-макросистему», и «хроно-топо-макросистему», т. е. «макросистему в её разных хронологических срезах и в её территориальной динамике во времени» ([Аванесов 1963: 311–313]; см. также: [Аванесов, Бернштейн 1958: 4–5]).

Язык современного старшего поколения отличается от языка среднего, младшего и самого младшего поколения. Можно говорить в этом случае о разных языковых системах. Однако они функционируют в одном языковом пространстве, временном и территориальном. Поэтому можно считать, что в говоре или в литературном языке они образуют одну сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Но русский литературный язык современный и XVII, XVIII, XIX, начала XX в. — разные системы, хотя различий между ними гораздо меньше, чем сходств, и чем ближе к нашему времени, тем этих сходств больше. Это разные языковые системы, так как эпохи их функционирования не совпадают, не пересекаются. Когда говорят об истории русского литературного языка XVII–XXI вв., имеют в виду, что это один

язык. Но каждое изменение, происшедшее за это время в фонетической системе, или системе грамматической, или лексической, есть и изменение общей системы языка³.

Ф. де Соссюр, один из «отцов» структурализма, иллюстрирует своё понимание системы примером из области шахмат: «... тот факт, что эта игра пришла в Европу из Персии, — внешнего порядка; напротив, внутренним является всё то, что касается системы и правил игры. Если я деревянные фигуры заменю фигурами из слоновой кости, такая замена безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет “грамматику” игры. <...> Возьмём коня: является ли он сам по себе элементом игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности, вне своего места и прочих условий игры, он ничего для игрока не представляет, а становится он в игре элементом реальным и конкретным лишь постольку, поскольку он облечён своей значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что в течение партии эта фигура уничтожится или потеряется: можно ли будет заменить её другой? Конечно, можно: и не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, ничего общего с ним не имеющий, может быть отождествлён с конём, поскольку ему будет придана та же значимость. <...> Каждый шахматный ход приводит в движение только одну фигуру <...>. Несмотря на это, каждый ход отзывается на всей системе» [Соссюр 1933: 45, 94–95, 111]. Ю. Д. Апресян, рассматривая этот пример, пишет: «Если мы заменим деревянные фигуры фигурами из слоновой кости, металла или стекла, такая замена будет безразлична для системы, потому что отношения между фигурами или их противопоставления друг другу (“значимости”) остаются прежними» [Апресян 1966: 28–29, 31].

Можно представить себе некое множество лежащих на большом столе шариков, кубиков, пирамидок разной величины, разного цвета, сделанных из разного материала. Все эти предметы объединены общим признаком: это артефакты — произведения рук человека, а не природы. Можно сгруппировать эти предметы, произвести их классификацию, разделив их сначала на три подмножества (разложив на кучки) в зависимости от их формы: шарики, кубики и пирамидки. Может быть и иное распределение: шарики могут быть сначала отделены от кубиков и пирамидок, имеющих общий признак — наличие граней и плоскостей. Внутри этих подмножеств могут быть выделены более мелкие подмножества по признаку величины: крупные, средние и мелкие. Можно произвести и дальнейшее разбиение, распределив эти предметы по цвету: красные, синие, чёрные — или по материалу: из дуба, из липы, из пластмассы и т. д. Можно произвести и другие разбиения всего этого множества, распределив веса признаков по-иному: главным признаком считать не форму этих предметов, а величину, или цвет, или материал.

³ Р. И. Аванесов считал, что «древнерусский язык по отношению к современному русскому литературному языку может быть рассматриваем в известной мере как другой язык», что «факты древнерусского языка (А) и факты современного русского языка (В) <...> по своему строю и словарному составу представляют собой разные системы, разные языки» [Словарь XI–XIV вв.: 3, 18–19].

В каждом из этих множеств и подмножеств можно выделить (как и в описываемом Р. И. Аванесовым диалектном языке и в составляющих его «макросистемах» более низкого ранга) черты (признаки), общие для всех его членов, и черты, их различающие. Однако ни одно из этих множеств не является системой в вышеуказанном смысле. Можно из любого подмножества (кучки) вынуть часть предметов или добавить туда подобные, при этом с остальными ничего не произойдёт: каждый предмет из всего этого множества существует самостоятельно и независимо от остальных.

Также и диалектный язык, по определению Р. И. Аванесова, состоит из «микросистем» (говоров), «макросистем 1-й степени» (групп говоров) и «макросистем 2-й степени» (наречий), существующих как независимые друг от друга объекты. От рассмотрения их по отдельности или всех вместе ничего с ними не происходит, ничего не меняется. Может меняться лишь порядок описания присущих им черт. Если сначала даётся характеристика наречия, то описываются черты, свойственные всем входящим в него диалектным группам, а эти группы описываются по чертам, отличающим их друг от друга. Если же описывается какая-либо одна из этих диалектных групп, то должны быть перечислены и те и другие её черты. Но сами наборы этих языковых черт у каждого из этих диалектов остаются неизменными.

Любая классификация, любая группировка представляет объекты, упорядоченные определённым образом на основе общности их свойств, признаков, но не составляющие систему в указанном выше смысле. Отличительная особенность такой системы, как уже упоминалось, — взаимосвязанность и взаимообусловленность её элементов; ср. [Реформатский 1996: 37–38].

Существует в русском языке и другое, более старое значение слова «система» — ‘определённый порядок расположения частей целого’ (см. [Даль 1903–1909/1994, т. 4]), к которому близко значение ‘классификация, группировка’ (см. [МАС, т. 4]). «Система» диалектного языка может быть понята только в этом смысле.

Таким образом, при характеристике диалектного языка Р. И. Аванесов употребил термин «система» не в том значении, которое он сам определил и которому следовал в других своих работах, а в более старом, доструктуралистском, встречающемся теперь уже как архаизм при рассмотрении языка, не говоря уже о других семиотических системах.

3. Диалекты одного языка выделяются на основе существующих между ними различий. Р. И. Аванесов в своих трудах разработал теорию диалектного различия, сыгравшую решающую роль в формировании созданной им и его учениками Московской школы лингвистической географии. Эта теория изложена в ряде работ (см., в частности, [Вопросы теории 1962]) и реализована главным образом в региональных диалектологических атласах⁴ и созданном на их основе Диалектологическом

⁴ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1951; не изданы и хранятся в рукописном виде в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР» под ред. В. И. Борковского и С. С. Высотского, «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» под ред. Р. И. Аванесова, «Атлас

атласе русского языка [ДАРЯ]. Диалектные различия — предмет картографирования в диалектологических (лингвистических) атласах. «Диалектное различие, — писал Р. И. Аванесов, — есть такой элемент структуры языка, который в отдельных диалектных микросистемах выступает в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах» [Аванесов 1964: 11].

Диалектные различия наблюдаются во всех ярусах языковых систем. При этом обычно один из членов междиалектного соответственного явления совпадает с литературным вариантом; например: аканье : оканье, аканье сильное : аканье диссимилятивное, иканье : еканье : яканье; [г] : [γ]; [ч'] : [ч] : [ч''] : [ц] : [ц'] : [ц''] : [ш'] ; ударные окончания дат.-предл. п. ед. ч. существительных 1-го склонения -е : -ы: *к(о) женé* : *к(о) жены́*; твёрдость : мягкость заднеязычного согласного основы перед безударным окончанием предл. п. ед. ч. прилагательных м. и ср. р.: *в тóн[к]ом*, *в дóл[г]ом*, *в тi[х]ом* : *в тóн[к']им*, *в дóл[г']им*, *в тi[х']им*; форма местоимения *тот* : *той*; форма инфинитива глаголов на заднеязычный согласный *печь*, *беречь* : *печи*, *беречи* : *пекчи*, *берегчи* : *пекти*, *берегти* : *печти*, *беречти*; пространственные конструкции с предлогом *из* : *с* : *з*: *приехал из Москвы* : *с Москвы* : *з Москвы*; названия петуха: *петух* : *петún* : *пéвун* : *пéюн* : *пéвень* : *кóчет*; значения слова *пахать*: 'пахать' : 'мести пол, двор, улицу' : 'резать хлеб небрежно, крупно, в большом количестве' и т. п. И лишь в редких случаях ни один из членов диалектного различия не имеет соответствия в литературном языке в связи с отсутствием самого понятия или отдельного слова, называющего соответствующее понятие; например: название берестяного сосуда цилиндрической формы: *тýес* : *бура́к*; название хорошей погоды: *вёдро* : *погода* и др.

Члены диалектных различий имеют разный статус при выделении диалектов — территориальных единиц разных рангов. Одни из этих диалектных различий выделяют наиболее крупные диалекты первой степени членения, другие — второй, третьей и др. степеней⁵. Используя схему Р. И. Аванесова [Аванесов 1965: 31], можно показать эту зависимость следующим образом:

А	Б
---	---

А	Б ₁
	Б ₂

А	Б' ₁	Б'' ₁
	Б ₂	

Диалекты первого уровня членения А и Б характеризуются разными соответственными членами диалектных различий; например, Северное и Южное наречия русского языка противопоставлены по таким чертам, как полное оканье — аканье, произношение [г] — [γ], твёрдая фонема /т/ — мягкая фонема /т'/ в окончании

русских говоров центральных областей к северу от Москвы» под ред. О. Н. Мораховской и Т. Ю. Строгановой, «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы» под ред. В. Г. Орловой.

⁵ «В структуре языка диалекты могут занимать разное положение, быть разных “рангов” (ср., например, понятия “северновеликорусское наречие”, “олонецкая группа говоров”, “говory Пудожского района”, “говор дер. Келкозеро”)» [Аванесов 1947: 300].